

В диссертационный совет
24.2.437.12, созданный на базе ФГАОУ ВО
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
454080 г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76, каб. 240

О Т З Ы В

**на диссертацию Русман Галины Сергеевны на тему
«Поощрительные формы уголовного судопроизводства»,
представленную на соискание ученой степени доктора юридических
наук по специальности: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки**

Актуальность темы докторской диссертации Русман Галины Сергеевны не вызывает сомнения. Достаточно сказать, что в настоящее время проблематика поощрения лиц, привлеченных или привлекаемых к уголовной ответственности, обретает новое звучание в связи с тем, что 4 апреля этого года в Государственную Думу РФ внесен законопроект № 329 181-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым предлагается дополнить УПК РФ новой статьей 25.2 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с изменением обстановки». Суть проектируемой статьи заключается в установлении возможности прекращения уголовного преследования в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, если при этом будет установлено, что данными лицами принято решение о добровольном прохождении военной службы в воинских формированиях, что будет соответствовать политике государства в сфере уголовного законодательства в условиях проведения специальной военной операции. Решение лица о добровольном прохождении военной службы в указанных условиях предлагается оценивать как социально полезное действие, которое в юридической науке (в теории права, доктрине уголовного права) обозначают понятием «заслуга»: на нее государство отвечает желаемыми для лица преференциями. Пока неясно, будет ли этот законопроект одобрен, но во всяком случае попытку развить идею поощрения именно в уголовно-процессуальном законодательстве не увидеть нельзя.

На это обстоятельство стоит обратить внимание, поскольку известно, что так называемые поощрительные нормы содержатся именно в уголовном законе, предусматривая за определенные социально полезные действия со стороны привлекаемого к уголовной ответственности лица освобождение его от таковой либо снижение наказания для лиц, признанных виновными в тех или иных преступлениях. Потому таковые нормы изучаются и исследуются в науке уголовного права в горизонте разработки понятий «поощрения», «заслуженного поведения», поощрительных правоотношений, правового стимулирования, то есть на уровне теоретических конструкций и норм уголовного закона, где они находят свое выражение. Словом, учение о правовом поощрении в юридической науке сложилось.

Но в науке уголовно-процессуального права тематика поощрения в парадигме «заслуга – поощрение» **не исследовалась**, хотя вопросы прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в связи с позитивным посткриминальным поведением обвиняемого (подозреваемого), а также согласительные (упрощенные) процессуальные производства освещались. Иными словами, не было обращения к категориям «поощрения», «заслуга», к выявлению поощрительных уголовно-процессуальных правоотношений, их содержания и субъектного состава, которые, собственно, и определяют правовую природу вышеуказанных производств, их истоки.

По этой причине надо признать, что есть **потребность** теоретического осмысления того, являются ли существующие уголовно-правовые поощрительные нормы основой для возникновения уголовно-процессуальных поощрительных отношений, какие предпосылки и условия необходимы для генерирования процессуальной формы, адекватной потенциалу уголовно-правовых поощрительных норм, возможно ли их дальнейшее развитие, в том числе в виде корректировки действующих норм УПК РФ.

Потому представляется вполне обоснованной поставленная соискателем цель исследования: разработка теоретически обоснованной концепции поощрения в уголовном процессе на примере существующих поощрительных форм уголовного судопроизводства, в рамках которых реализуются уголовно-правовые поощрительные нормы, обоснование теоретической состоятельности и практической значимости данных форм (с.14).

Из этого следует, что автор должен не только теоретически разработать понятия «поощрения», «поощрительной формы» и «уголовно-процессуальных поощрительных правоотношений», но методологически и методически обосновано выстроить связанные одной идеей опорные элементы концепции, которые вкуче и логически приводили бы к закономерному выводу о том, что уголовно-процессуальное поощрение проявляется в конкретных процессуальных поощрительных формах, выражаемых в льготном

процессуальном порядке привлечения обвиняемого к уголовной ответственности или освобождения от таковой, а также в обретении определенной пользы государством в лице субъектов, ведущих уголовный процесс.

Надо понимать, что такая концепция не может не коррелировать с инструментами уголовно-правового поощрения, а также не может не затрагивать теорию дифференциации уголовного судопроизводства. В то же время ясно, что она должна обнаруживать собственное содержание, отражающее процессуальные аспекты правового поощрения, в том числе процессуальные способы активизации стимулирующего воздействия норм материального закона.

Потому стоит обратить внимание на опорные элементы («ступени») предложенной соискателем концепции, которые выявляют **оригинальность** и **новизну** таковой, включая выводы соискателя по формулированию положений теоретического характера, а затем – предложений по совершенствованию норм УПК РФ.

Как видится, соискатель закладывает в основание своей концепции идею справедливости в ключе вопроса о соразмерности тяжести вмененного лицу деяния, меры наказания и цены возможной ошибки, которые по мнению соискателя, «являются взаимозависимыми и взаимообуславливающими постоянными величинами, определяющими не только основания дифференциации форм уголовного судопроизводства, но и социальную ценность уголовного процесса» (с. 45-46). Затем выходит на тезис о том, что разрешение уголовно-правового конфликта неизбежно вызывает «каскад уголовно-процессуальных конфликтов», смягчение или снижение количества которых может пониматься как цель уголовного процесса (Положение №8, с. 26, 58-59, 63). Это – **новое** и смелое утверждение, имеющее базовое значение для объяснения существования поощрительных форм уголовного судопроизводства: (1) института освобождения от уголовной ответственности в связи с посткриминальным позитивным поведением обвиняемого (подозреваемого); (2) упрощенных порядков досудебного производства и судебного разбирательства. Эта цель в логике соискателя означает также достижение взаимовыгодного результата для сторон соответствующего уголовно-правового и уголовно-процессуального отношения, в том числе для общества и государства, выражаемого в балансе предпочтений для каждой стороны конфликта.

Конечно, общеизвестно, что предпочтения (льготы) – это и есть стимулы для процессуального поведения обвиняемого, нацеленного на обретение им блага в виде освобождения от уголовной ответственности или снижения наказания. Но **новизна** позиции соискателя заключается в том, что им утверждается и обосновывается, что для публичных субъектов также наступает выгода от засуженного поведения обвиняемого: снижение затрат и обременений на доказывание, в целом на производство по уголовному делу (с. 61-62).

Поскольку позитивное поскриминальное поведение обвиняемого трактуется соискателем как заслуга, то понятны его рассуждения о содержании мотивов, стимулов и интересов данного субъекта в направлении изменения своего правового поведения. Потому **новыми** результатами исследования предстают выводы о мотивах и стимулах изменения правового поведения обвиняемого (подозреваемого) как следствия интернализации – принятия лицом ценностей и социальных установок, необходимых для разрешения уголовно-правового и уголовно-процессуального конфликта с наиболее благоприятным результатом не только для обвиняемого, но и для государства и общества (с.70- 91). К слову, такие утверждения, несмотря на наличие редко используемых терминов (интернализация, что могло бы показаться избыточным теоретизированием), находят явное практическое подтверждение в современных реалиях, связанных с проведением специальной военной операции: возникла практика досрочного освобождения лиц от наказания в связи с их добровольным заявлением об участии в боевых действиях в районах СВО.

В целом автор выходит на **новую** формулу, образно говоря, «опроецирования» материально-правовых средств поощрения, предлагая алгоритм уголовно-процессуального порядка реализации поощрительных норм (с. 102) в форме правоприменения и, соответственно, актов поощрительного правоприменения. Одновременно делается **новый** вывод, значимый для исследуемой темы, о том, что любая из упрощенных процедур уголовного процесса является процессуальной поощрительной формой уголовного судопроизводства (с.106).

Обращают на себя внимание выявленные автором теоретические проблемы, требующие своего разрешения в рамках предложенной им концепцию. Исходя из того, что категория «заслуга» является ядром поощрительного производства, соискатель вполне обосновано высвечивает ожидающие своего решения проблемы теоретического характера: о критериях оценки заслуженности усилий обвиняемого; об условиях, требованиях и стандартах применения поощрения; об обоснованности допущения дискреционного усмотрения субъекта, ведущего уголовный процесс, которое снижает гарантии постановления именно поощрительного акта правоприменения; о соответствии поощрительных производств презумпции невиновности; о понятии и содержании процессуальных поощрительных правоотношений (объекта и субъектного состава); об отсутствии гарантий получения обвиняемым поощрения за проявленное заслуженное поведение; о механизме трансформации общей формы уголовного судопроизводства в поощрительную форму; о признаках и понятии поощрительных производств; о классификации поощрительных производств; о проявлении в них принципов публичности, состязательности и др.

Все перечисленные положения последовательно раскрываются в авторской трактовке, наполняя предложенную концепцию теоретическими выводами и положениями, что следует признать **новыми научными**

результатами в становлении и развитии учения о поощрительных формах уголовного судопроизводства. Кроме того, эти положения (**новые научные результаты** – большинство которых представлено в положениях, вынесенных на защиту) формируют универсальную модель поощрительного производства, которая, конечно, абстрактна, но получает конкретное выражение в существующих формах поощрительного производства уголовного процесса. Таковая модель представлена как конструкция, элементами которой выступают уголовно-правовые и уголовно-процессуальные поощрительные нормы, процедуры, уголовно-процессуальные поощрительные правоотношения (их объект, содержание и субъекты) (Положение № 7, с.26, 150- 158). Тут надо одобрить методологические и методические приемы, использованные автором, поскольку в последующем изложении существующие поощрительные формы автором будут соотноситься с элементами этой модели.

Соискателем обстоятельно проанализированы особенности реализации в поощрительных формах получивших отражение в законе таких принципов, как состязательность, публичность и осуществление правосудия только судом, а также выделяемых в науке принципов диспозитивности и целесообразности (с.159-235). На примере своеобразия реализации этих принципов уголовного процесса убедительно доказано, что поощрительные формы производства суть альтернативные и целесообразные виды процессуального производства, которые, кроме этого, предусматривают компромисс как суть восстановительного правосудия (с. 316).

Определившись и предложив свое представление о базовых понятиях и категориях, раскрывающих теорию поощрительных форм, автор рассматривает прикладные вопросы, связанные с механизмом реализации поощрительных форм в свете презумпции невиновности, внутреннего убеждения и судебного усмотрения при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предполагающим то или иное заслуженное поведение со стороны обвиняемого (подозреваемого, подсудимого).

Соответственно, выделяет ряд проблемных вопросов: следует ли суду устанавливать факт совершения лицом преступления (с. 247, 252); допустимо ли судебное усмотрение при выборе вариантов (прекращение или обвинительный приговор решение о применении или не применении поощрения) (с. 268-270); следует ли установить обязанность судьи применять поощрение – прекращение уголовного дела, следует ли обязать судью разъяснять право подсудимого на применение поощрения (с. 287-288, 296); требуется ли внутреннее убеждение при принятии судом решения о прекращении уголовного дела или формирование этого убеждения связано исключительно с постановлением обвинительного приговора (с. 307-308).

Нельзя не отметить проведенный соискателем анализ правоприменительной практики, результаты которого позволили ему выявить проблемные ситуации с реализацией поощрительной формы – освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям при выраженном позитивном посткриминальном поведении обвиняемого

(подозреваемого, подсудимого). К таковым проблемам отнесены: констатация виновности лица в постановлении (определении) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования); отказ суда в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела по рассматриваемым основаниям при наличии к тому всех необходимых правовых и процессуальных условий; игнорирование сторонами и судом обсуждения вопроса об имеющихся возможностях прекращения уголовного дела; вынесение обвинительного приговора в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности впервые по обвинению в совершении преступления небольшой или средней тяжести, хотя вовсе не исключалось прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (с. 314).

На основе приведенных практических проблем, а также результатов анализа норм УПК РФ, положений постановлений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также высказанных в юридической науке теоретических суждений, соискатель формулирует **новые** выводы и предложения применительно к такой форме поощрительного производства как освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением обвиняемого (подозреваемого). А именно им обосновывается тезис о том, что существует «приоритет поощрительной нормы и института освобождения лица от уголовной ответственности над обвинительным приговором суда» (с. 310), из которого вытекает, что реализация поощрительных форм (освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям), должна быть свободна от судебного усмотрения. Соответственно, соискатель полагает, что на суд при основаниях ст. ст. 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ должна нормативно возлагаться обязанность, во-первых, разъяснить подсудимому право на применение поощрительных мер (с. 290); во-вторых, инициировать процедуру применения поощрительных норм (с. 293); в-третьих, создавать условия в ходе судебного разбирательства (перерыв) для согласования сторонами условий и порядка возмещения ущерба или для осуществления подсудимым социально-положительных действий (с. 295). Как результат, формулируется принципиальное утверждение (согласующееся с принципами уголовного процесса, в том числе с презумпцией невиновности) о том, что только суд вправе применить поощрительную норму в случаях освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (кроме истечения сроков давности), в том числе и по собственной инициативе, если стороны выказывают пассивность или непрофессионализм.

Все перечисленное указывает на то, что поощрительные формы производства, посредством которых прекращается уголовное дело по нереабилитирующим основаниям, являют собой правоприменительные циклы, обусловленные потребностью оценки правового поведения обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) как заслуги, за которую названный субъект освобождается от уголовной ответственности. Соответственно, наличие такой заслуги должно быть доказано, равно как и само вмененное лицу обвинение

(подозрение), а также иные значимые обстоятельства, позволяющие принять эту заслугу и воздать за нее предусмотренные законом преференции. В этом ключе соискатель моделирует ряд проблемных процессуальных ситуаций, связанных с кругом обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также с порядком их установления, например, применительно к возможности прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в стадии назначения судебного заседания, установления достоверности факта возмещения ущерба и заглаживания вреда потерпевшему, возникновению сомнений в истинности волеизъявления потерпевшего и др.

Надо сказать, что актуализация соискателем подобного рода проблем доказывания имеет под собой достаточное обоснование – приведены интереснейшие примеры из практики, обнажающие неопределенность и противоречия в применении поощрительных форм – освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (с. 345-346). В частности, соискатель вполне убедительно доказывает, что такая неопределенность связана с допущением усмотрения правоприменителя на применение одного из возможных вариантов разрешения уголовного дела (обвинительный приговор или прекращение), что само по себе обусловлено конкуренцией материальных норм, допускающих вариативность решения: либо привлечение к уголовной ответственности, либо освобождение от нее (прекращение уголовного дела с деятельным раскаянием, судебным штрафом) (с.374).

Как результат, в качестве отличающихся **новизной** положений, связанных с доказыванием, можно указать авторские выводы: у суда нет оснований для судебного усмотрения, поскольку отсутствуют пробелы в законе, которые нужно преодолевать дискрецией; на суд следует возложить обязанность прекратить уголовное дело при выявлении соответствующих правовых оснований; суд допускает злоупотребление правом, если занимает безучастную позицию, не разъясняя заинтересованным участникам возможность применения поощрительных норм; суд должен ограничиваться проверкой обоснованности предъявляемого обвинения, избегая разрешения вопроса виновности лица; у суда при доказывании должно быть сформировано не внутреннее убеждение о виновности лица, а «процессуальное убеждение» о наличии правовых оснований для прекращения уголовного дела и достаточности восстановительных мер, реализованных лицом, привлекаемым к уголовной ответственности.

В парадигме разработанной универсальной модели поощрительного производства соискатель анализирует цели, порядок и содержание сокращенного судебного разбирательства, процессуального производства с заключением досудебного соглашения, а также сокращенного дознания. Так, отмечается, что выгода от этих поощрительных форм наступает в первую очередь для государства, то есть субъектов, ведущих уголовный процесс (с. 289).

Соответственно, подчеркивая целесообразность и экономическую оправданность этих видов поощрительных производств, соискатель

формулирует выводы и предложения, отличающиеся **научной новизной**, а именно: реализация поощрительного производства (сокращенное судебное разбирательство) должна определяться только судом без учета позиции потерпевшего (с. 408); суд в сокращенном судебном разбирательстве должен быть наделен правом допроса подсудимого, а равно и потерпевшего, в том числе по вопросам, касающимся квалификации содеянного и возмещения ущерба (с. 420); предусмотреть, как возможный вариант, прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования по преступлению в отношении конкретного лица при его «заслуженном и ценном» сотрудничестве, тем самым, исключая последующее судебное разбирательство по делу; предусмотреть специальное основание для отказа в возбуждении уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, но готового сотрудничать с правоохранительными органами и сообщившего достоверные и ценные сведения о совершенных или готовящихся преступлениях, их соучастниках и организаторах, месте совершения и вовлеченных лицах, и иных, имеющих значение сведениях (с. 455-456).

Все перечисленные выводы и положения, в том числе и вынесенные на защиту, как отличающиеся научной новизной, наполняют предложенную концепцию поощрительных форм уголовного судопроизводства, которая, собственно, и предстает как основной **новый научный результат** представленного исследования. Положения этой концепции развивают учение и о дифференциации, и о поощрении; вкуче выполняют объяснительную и прогностическую функции представленного научного исследования, словом, так, как это и должно быть в диссертации докторского уровня.

В целом изучение диссертации убеждает в высокой степени обоснованности, достоверности и новизне сформулированных теоретических положений и выводов, а также рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Обоснованность и достоверность научных результатов, полученных Г.С. Русман, обеспечена: методологией исследования, использованным комплексом методов научного познания с пояснением их роли для решения конкретных задач; широким кругом проанализированных нормативно-правовых актов и изученных теоретических источников; эмпирической базой – результатами довольно подробного анкетного опроса практиков-юристов, статистическими данными и материалами правоприменительной практики, в том числе и в виде интересных примеров из судебной практики, подтверждающих практическую значимость исследования и потребность в разработке теоретико-правовых положений о поощрении в уголовном судопроизводстве. Решения по поставленным автором проблемам аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию.

Автореферат диссертации адекватно отражает главные идеи и выводы автора. В нем показаны личный вклад автора в проведенное исследование, степень новизны, практической значимости и достоверности приведенных результатов исследования, содержатся сведения об организации, в которой выполнялась диссертация, об оппонентах и ведущей организации, о научном консультанте, приведен список публикаций автора диссертации, с отражением основных научных результатов. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Структура и правила оформления текста диссертации и автореферата соответствует предъявляемым требованиям.

Вместе с тем, несмотря на наличие аргументированных выводов, положений и предложений, работа, как результат любого творческого труда, содержит дискуссионные положения, по которым могут быть высказаны следующие замечания:

1. Трудно согласиться с тем, что при истечении сроков давности несовершенство лицом новых преступлений, а также то, что он не скрывался от уголовного преследования, должно быть оценено как позитивное поведение (с. 61). Такой подход размывает значимость заслуги как социально-полезного действия, требующего неких сверх усилий. Освобождение от уголовной ответственности при истечении срока давности – не поощрение, а прощение, ровно такое же, как при амнистии или помиловании.

2. Соискатель полагает, что «освобождение от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям подлежит разрешению исключительно в судебном порядке» (с. 105). Но это сужает сферу применения поощрения и усложняет производство. Теряется то, что выделяет сам соискатель как благо для публичных субъектов: снижение трудоемкости производства по уголовному делу, поскольку происходит загруженность судов.

3. Уделено значительное внимание особенностям проявления в поощрительных производствах принципов уголовного процесса. Однако на этом фоне отдельным «островком» выглядит приведенный автором перечень принципов, характеризующих в целом правовое поощрение как категорию, то есть вне зависимости от отраслевой природы поощрительных норм (с. 161-162), поскольку не показано, как эти специфические принципы (собственно правового поощрения) коррелируют с принципами уголовного процесса и проявляются/не проявляются в поощрительных формах уголовного судопроизводства.

4. Суждение соискателя о том, что в случае смерти лица, подлежавшего уголовному преследования (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) (с. 205-208), предпочтительнее было бы прекращение уголовного дела в связи с примирением родственников (правопреемников) с потерпевшим, противоречит собственным концептуальным положениям соискателя. Заслуга лица, ищущего поощрение, должна быть личной, потому-то соискатель обстоятельно доказывает стимулирующую направленность личного интереса... В

приведенной ситуации такого интереса быть не может, кроме перешедшего к правопреемникам интереса в реабилитации.

Стоит подчеркнуть, что отмеченные для замечаний положения носят дискуссионный характер и не влияют по общую положительную оценку. Диссертация Г.С. Русман является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в науке уголовно-процессуального права. Диссертация содержит **новые научные результаты** и положения, имеющие социально-политическое и научно-практическое значение для совершенствования уголовного судопроизводства. Решения по поставленным автором проблемам **аргументированы** и **оценены** по сравнению с другими известными решениями.

Докторская диссертация на тему «Поощрительные формы уголовного судопроизводства», по своему содержанию и форме отвечает требованиям п. 9-11, 13 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в ред. Постановления Правительства РФ от 18.03.2023 г. № 415), является самостоятельным исследованием, содержащим совокупность новых научных результатов и положений, имеющих внутреннее единство, свидетельствующих о завершённости работы и личном крупном вкладе автора в уголовно-процессуальную науку, а её автор – **Русман Галина Сергеевна** – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

Профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления (филиала)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
доктор юридических наук (научная специальность:
12.00.09 - уголовный процесс; криминалистика;
оперативно-розыскная деятельность), профессор

Мадина Таукеновна Аширбекова

«19» апреля 2023 г.

Служебный адрес: 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина 8.

Тел. 8 (8442) 27-17-36; 24-17-33 e-mail: ugolov-crim@vlgr.ranepa.ru

Заведующий отделом кадров
Е.Б. Выгина
19 апреля 2023 г.